

Глава 16. Цзянху полно дураков

Меч сверкнул.

— Сюда! — взревел старый городской оракул и, развернув левую руку, встретил удар изогнутым клинком.

Обычно мастер, владеющий парными клинками, полагается на лёгкость и проворство, но пара сабель в руках старого оракула была иной. Каждая длиной более двух чи, из тёмного, тяжёлого, как железо, металла, с рукоятью в четыре цуня. Неизвестно, из чего они были выкованы, но взмахи их порождали густой, мощный свист, словно весили они десять тысяч цзиней.

Левой рукой он парировал удар меча, а правой рубанул на уровне пояса Цю Бодэна.

Бум!

Бушующее пламя, вздымавшееся на полчеловеческого роста, было внезапно рассечено светом клинка. Тёмно-лазурный свет, словно прорвавшийся из узкой щели океан, в мгновение ока пронёсся на десятки чжанов и врезался в высокий павильон, ещё не объятый огнём. Здание с грохотом рухнуло, и обломки кирпичей и деревянных балок взметнули волну пламени.

В тот самый миг, когда оракул нанёс удар, Цю Бодэн с невыносимой гибкостью изогнулся, проскользнув под веерообразным росчерком клинка. Выпрямившись, он уже оказался за спиной врага, оставившего себя беззащитным. Развернув меч Тайи обратным хватом, он нанёс удар сверху вниз, целясь прямо в сердце старого оракула.

Старый оракул, чей удар пришёлся по пустоте, не колеблясь, бросился вперёд. Его иссохшее тело двигалось с проворством старой обезьяны.

Нанеся удар, Цю Бодэн не стал оборачиваться. Он тут же метнулся к высокой печи, одним движением меча и рукава подхватил А Жэнь и Е Цана, которых жарило на огне, и, словно падающие звёзды, выбросил их из огненного моря. Куда они упали, было неизвестно. Едва он спас их, как за спиной раздался свист рассекаемого воздуха.

И тут же — дзинь! — одна из сабель с силой ударила в печь. Горнило разлетелось на куски, и золотисто-красный расплавленный металл брызнул во все стороны.

Цю Бодэн, взметнув полами одежд, легко приземлился неподалёку.

Хотя старый оракул и увернулся, бросившись вперёд, но скорость, с которой Цю Бодэн нанёс удар, была выше. Он был уверен, что не промахнулся.

Однако старый оракул стоял на месте, целый и невредимый.

Цю Бодэн медленно опустил меч и, прищурившись, холодно посмотрел на него.

Старый оракул, сжимая в руках парные клинки, медленно поднял голову.

На его лице проступили узоры, похожие на древесную кору. Суставы пальцев, сжимавших рукояти, стали походить на растрескавшиеся ветви. Серебристое сияние, начавшись на кончиках его пальцев, быстро скользнуло по спинкам клинков и вырвалось ослепительным светом с их острий. Он стоял, превратившись из человека в кусок дерева. А для куса дерева не существует такого понятия, как пронзённое сердце. Сколько бы дыр ты ни проделал в дереве, оно всё равно останется просто куском дерева.

— Удивлён?

Старый оракул улыбнулся, и узоры на его лице, похожие на годовые кольца, исказились. Серебряное сияние, окутывавшее дерево фу, напоминало снег или лёгкую дымку, но, расплзаясь по его клинкам, оно стало похожим на отблеск ядовитых клыков паука в темноте, вызывая тошноту и отвращение.

— Разве ты не слышал? Тот, кто получает печать городского оракула, обретает часть божественной силы городского бога.

— Какой же ты глупый, — произнёс Цю Бодэн.

Дерево и впрямь было глупым.

Отдало свою силу пауку и даже не заметило. Недаром, когда хотят сказать о ком-то, что он глуп, говорят: «Деревянная башка».

Цю Бодэн стремительно бросился вперёд. Его рукава от мощного потока воздуха вытянулись в длинную алую линию, наискось прорезавшую чёрный дым.

Божественное дерево фу было настолько глупым, что хотелось вцепиться в его кору и обругать последними словами. Ну не дурак ли?

Но паук, что притаился на этом дереве, день за днём обмеряя древний ствол своими ядовитыми клыками и вынашивая коварные планы поглотить такое глупое дерево, был ещё отвратительнее.

Старый оракул издал яростный рёв и скрестил клинки.

Буря из мечей и сабель разразилась в одно мгновение. Обломки стен и крыш обратились в пыль, а земля покрылась сетью глубоких трещин, похожих на паутину. Небесный огонь хлынул в эти трещины, а затем, подхваченный ветром, взметнулся на десятки чжанов ввысь и рассыпался на мириады огненных искр, падающих во все стороны. Два силуэта металась в алом пламени и чёрном дыму, скрещивая оружие.

— Молодой господин Цю — первый в Поднебесной!

Лодка «Испуганный гусь» летела носом вниз. Цзо Юэшэн и Лу Цзин, вытянув шеи, увидели в огненном море на Восточной третьей улице отблески клинков и мечей и тут же принялись радостно вопить и кричать.

— Да что вообще происходит?!

Лоу Цзян, управлявший лодкой, чувствовал, что у него вот-вот взорвётся голова.

Когда Цю Бодэн без предупреждения спрыгнул с лодки, его сердце едва не выскочило из груди. В голове билось только одно слово: «Конец». Он уже представлял себе, как старые и молодые члены школы Тайи с постными, как у гробовщиков, лицами, с мечами наголо, под грохот грома и вспышки молний штурмуют Павильон Гор и Морей, как между областями Дун и Цин разгорается война, и кровь течёт рекой на тысячи ли.

Если бы не остатки разума, подсказывавшие, что, отпусти он штурвал, война между областями Дун и Цин перерастёт в смуту трёх областей, Лоу Цзян сам бы выпрыгнул из лодки, чтобы спасти маленького предка-наставника школы Тайи — хотя, по правде говоря, с его уровнем совершенствования прыжок с высоты в десять тысяч чжанов был бы верной смертью.

К счастью, Цзо Юэшэн и Лу Цзин, бросившиеся к борту, вскоре снова восторженно закричали «а-а-а-а!», и Лоу Цзян вздохнул с облегчением.

Он не знал, как Цю Бодэну это удалось, но, судя по реакции этих двоих, самый главный из избалованных наследников по крайней мере не разбился насмерть.

— Молодой господин Цю непобедим!

Лицо Лу Цзина побагровело, и он закричал во всё горло, от волнения сжав плечи Лоу Цзяна ещё сильнее.

— Может, вы руки-то ослабите?! Я сейчас задохнусь!

Лоу Цзян закатил глаза.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин не только не собирались его сменить, но и, вцепившись ему в плечи с обеих сторон, зафиксировали его голову, не давая ни повернуть её, ни опустить. В общем, делали всё, чтобы он не видел, что происходит там, где Цю Бодэн.

Если бы не великая милость, оказанная ему владыкой павильона, Лоу Цзян, чёрт возьми, направил бы лодку «Испуганный гусь» прямо в землю, чтобы все они сгорели в одном огне!

«Вы не даёте мне повернуть голову, думаете, я ничего не увижу?» — подумал Лоу Цзян.

Разозлившись, он резко накренил лодку. Корпус накренился, и город внизу предстал как на ладони. Едва он собрался найти взглядом Цю Бодэна, как перед глазами потемнело — кто-то крепко зажал ему глаза.

— Вы больные, что ли?! — в отчаянии закричал Лоу Цзян.

Лу Цзин и Цзо Юэшэн переглянулись с полным взаимопониманием.

Разве это вопрос болезни? Это вопрос чести!

Хоть Цзо Юэшэн и Лу Цзин и были слабаками в совершенствовании, но кое-какие вещи они понимали.

В нынешних Двенадцати областях заклинатели совершенствовали духовную ци, стремились к просветлению сердца и следовали праведному пути, чтобы не сбиться с него в тумане миазмов. Но путь совершенствования был слишком труден! То и дело кто-нибудь сворачивал с пути света во тьму и связывался с нечистью, становясь частью «злых сил».

Многие из тех, кто встал на путь зла, переставали совершенствовать духовную ци и начинали совершенствовать «негативную карму».

Один их удар — и небо затягивали тёмные тучи, а земля превращалась в море крови.

Лоу Цзян, управляя лодкой, ничего не видел, но Цзо Юэшэн и Лу Цзин своими глазами наблюдали, как Цю Бодэн, выпрыгнув из лодки, вырвался из плена, и в воздухе расцвёл фейерверк из брызг туши.

На мгновение они оба остолбенели. Неужели молодой господин Цю за эти годы, живя как паразит и занимаясь всякой ерундой, и впрямь превратился в настоящее бедствие? Не успели они ничего понять, как Лоу Цзян сбоку уже спрашивал, что случилось, и пытался высунуться, чтобы посмотреть. И тогда они оба, не сговариваясь, бросились и схватили его.

Неважно, был ли этот Цю бедствием или нет, он спрыгнул, чтобы спасти божественное дерево Фу!

Даже если он бедствие, сейчас он — бедствие, спасающее мир!

А они вместе с этим бедствием носились по городу Фу, карабкались на дерево Фу, летали на серой птице по небу... Возможно, Цю Бодэн спрыгнул с лодки без колебаний именно потому, что доверял им.

Неважно, что думал молодой господин Цю, но Цзо Юэшэн и Лу Цзин уже в одностороннем порядке объявили:

Они — братья, связанные жизнью и смертью!

А предавать братьев — разве это по-человечески?

— Вот это и есть цзянху! — пробормотал Лу Цзин, глядя на город Фу внизу.

Перед его глазами словно снова возник тот кабинет с простыми бумажными окнами, где женщина с собранными в пучок волосами, одетая в длинное платье цвета морской волны, сидела за столом и, держа его руку, учила писать иероглифы: три точки, горизонтальная, вертикальная, снова горизонтальная... «цзянху».

— Матушка, а что такое цзянху?

— Цзянху — это несколько человек.

— Каких людей?

— Несколько человек, которых ты встретил по воле случая. Вы дерётесь, ссоритесь, смеётесь. Ты делаешь глупости, и они с тобой, они делают глупости, и ты с ними. Вот это и есть цзянху.

Глупо ли было со слезами на глазах искать нефритовую подвеску? Глупо.

Глупо ли было прыгать с высоты в десять тысяч чжанов? Глупо.

После того как Цю Бодэн и старый городской оракул сошлись в бою, великий ритуал в городе Фу был прерван.

Без стимуляции ритуальных песнопений божественное дерево Фу перестало безрассудно уничтожать мёртвых духов и призраков в миазмах, но всё ещё испускало более сильное, чем

обычно, серебряное сияние, сдерживая хлынувшие в город миазмы.

Лу Цзин внезапно закричал:

— Толстяк Цзо! Давай закроем городские ворота!

— Мы тоже поможем спасти божественное дерево Фу!

— Не называй меня толстяком Цзо! — Цзо Юэшэн хлопнул Лоу Цзяна по плечу и властно приказал: — Вперёд! К городским воротам! Это приказ молодого господина павильона!

Лоу Цзян выругался, но развернул лодку и полетел к городским воротам.

Лу Цзин, сложив руки рупором, закричал в сторону Восточной третьей улицы:

— Цю Бодэн!

— Мы идём закрывать ворота!

— А ты спокойно руби демонов и изгоняй зло!

Изогнутые клинки старого оракула сплетались в непроницаемую железную сеть. Рубящие, режущие, дробящие удары, подобные рёву сотен тигров, создавали безбрежный лазурный океан, стремясь сокрушить длинный меч Цю Бодэна и разорвать его на куски. Цю Бодэн, вращая кистью, менял хват меча, словно изящная рука, перебирающая цветы. То скрывая меч в густом дыму, то меняя позицию, он избегал столкновений с тяжёлыми лезвиями клинков. Длинный меч в его руках мелькал, как парящий дракон или летящий феникс, полагаясь лишь на остроту своего лезвия.

Цю Бодэн шагнул в сторону, уклоняясь от удара старого оракула, тяжёлого, как гора.

Он взмахнул рукавами, и чёрная ци, похожая на тушь, с его одежд, словно свирепый зверь, бросилась на старого оракула. В мгновение ока в воздухе раздался скорбный плач мириадом людей. Старого оракула, ошеломлённого этой волной ненависти и отчаяния, охватил ужас. Ему показалось, что перед ним не человек, а бесчисленные мстительные духи, чья злоба обрела плоть и теперь бродит по миру. На мгновение он застыл, и его парные клинки замерли.

Цю Бодэн развернул меч и, словно сокол, пронзающий облака, нанёс удар прямо в то место, где находились три души его противника.

Стоит сокрушить три души, и божественная сила сама иссякнет.

— Восстань!

Увидев, как острие меча пронзает воздух, старый оракул внезапно взревел.

Земля, подобно паутине, раскололась, и из неё вырвались злоеющие столбы формации. Меч Тайи вонзился в железные цепи, соединявшие столбы. На цепях висело множество колоколов, отгоняющих зло. Самые большие из них были высотой шесть цуней и девять фэней, с ушком высотой один цунь и девять фэней, шириной один цунь и два фэня. Расстояние между двумя «танцорами» составляло четыре цуня и девять фэней, а в поперечнике — два цуня и девять фэней. Расстояние между двумя «фрезами» — пять цуней и четыре фэня, в поперечнике — два цуня и девять фэней. На каждом колоколе было тридцать шесть шипов и выгравировано бесчисленное множество рун. [1]

Сотни колоколов, отгоняющих зло, зазвонили одновременно!

Наводя порядок в небесах и на земле.

Цю Бодэн отшатнулся, мёртвой хваткой вцепившись в рукоять меча. Его лицо было бескровным.

Медные колокола ударились о замки, завывал ветер, земной огонь внезапно погас. Из рун на колоколах вырвалось мощное чистое сияние. Чёрная ци, подобная туши, что окутывала рукава, полы одежд и лезвие меча Цю Бодэна, непрерывно таяла в этом сиянии, и тут же появлялась снова.

— Эта формация называется «Великая формация восьми циклов покорения чистоты», — рассмеялся старый оракул. — Старейшина Цю — выходец из школы Тайи. Как вы, старейшина Цю, оцениваете эту формацию? Кто искуснее — я или ваши бессмертные школы?

— Вот на что ты полагался, когда осмелился открыть городские ворота?

Цю Бодэн опустил острие меча и спросил в ответ.

— В конце концов, я не мог допустить, чтобы жители целого города были поглощены нечистью из миазмов, — ласково произнёс старый оракул.

— Я сообщу Павильону Гор и Морей, чтобы они переплавили печать городского оракула Фу, — сказал Цю Бодэн.

Старый оракул удивлённо спросил:

— Зачем?

— К ней прикоснулся такой, как ты, — небрежно бросил Цю Бодэн. — Она стала грязной.

— Что ты понимаешь! — в ярости взревел старый оракул. — Получив печать городского оракула, ты больше никогда не сможешь покинуть этот город! — он указал на далёкое божественное дерево Фу, и его лицо исказилось от злобы. — Я искусен в искусстве марионеток, в создании артефактов, в построении формаций! Сам владыка Небесной ремесленной палаты когда-то хвалил меня, говорил, что мой талант несравненен, редко встречается в мире! И в итоге я должен быть заперт в этом крошечном городишке! Целыми днями смотреть на одно и то же дерево! Будь ты на моём месте, ты бы смирился?!

Цю Бодэн приложил левую руку к уху.

Слова старого оракула оборвались:

— Что это значит?

— Грязь для ушей, — медленно произнёс Цю Бодэн.

На мгновение старый оракул едва сдержался, чтобы не наброситься и не прикончить этого щенка на месте. Но в последний момент он заметил, как кончики пальцев Цю Бодэна, скрытые под рукавами, едва заметно дрожат.

— Нелегко, да? — хмыкнул старый оракул. — Старейшина Цю, я сражался с вами достаточно долго, чтобы понять вашу суть. Ваш уровень совершенствования низок, вы дерётесь лишь за счёт этой непонятно откуда взявшейся негативной кармы. Но в «Великой формации восьми циклов покорения чистоты» эта ваша карма — лишь обуза.

Древесные узоры на его лице постепенно исчезли. Он спрятал клинки за спину, и его одежды, развеваясь на ветру, придавали ему вид почтенного бессмертного.

— Я знаю, что такие юнцы, как вы, всегда полны пыла, — старый оракул снова заговорил ласково, но при этом невольно облизал зубы. — Но как долго вы продержитесь? Даже если вы сможете продержаться и убьёте меня, какая вам от этого польза? Ваши спутники уже видели вашу истинную сущность, не так ли? Вы спасёте город, но что потом? Потом за вами будут охотиться всевозможные бессмертные и герои! Стоит ли оно того?

— Лучше так, — вкрадчиво предложил старый оракул, — я помогу вам избавиться от них, а вы расскажете мне, как вы скрывали свою негативную карму. Как вам такое предложение?

В этот момент издали донеслись два отчаянных крика:

— Мы идём закрывать ворота!

— А ты спокойно руби демонов и изгоняй зло!

— Спокойно!

Они, боясь, что Цю Бодэн не поймёт их намёка, повторяли слово «спокойно» снова и снова.

Напоследок они прокричали издалека:

— Молодой господин Цю — первый в Поднебесной!

Улыбка на лице старого оракула застыла.

— ...Придурки, — тихо выругался Цю Бодэн и, внезапно подпрыгнув, взмахнул мечом Тайи, оставив в воздухе чернильный след. Колокола, отгоняющие зло, оглушительно зазвонили.

<http://bllate.org/book/16967/1584452>